

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Ирина Валерьевна Фотиева, доктор философских наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Россия, Барнаул; e-mail: fotieva@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается спектр основных проблем, связанных с информационной безопасностью современной медиакommunikации. Выделяются два основных направления исследований информационной безопасности: «защита информации от человека» (киберугрозы, технологические риски) и «защита человека от информации» (манипулятивные практики, когнитивные искажения, феномен «постправды»). В связи с этим анализируется понятие информационной культуры как фундамента информационной безопасности, а также информационной этики. В рамках последней показана неэффективность так называемого «нэтикета»; в понятии информационной культуры выделяются три основных аспекта: технологический, когнитивный и ценностно-мировоззренческий. Отмечено, что в исследованиях доминирует анализ первого и второго аспекта, в то время как на практике именно последний играет основную роль. Поэтому формирование информационной культуры зависит от культурного уровня конкретного общества и мирового сообщества в целом; последний же, по мнению автора, подразумевает подлинный диалог культур, понимаемый как взаимообогащение культурно-нравственными ценностями вкупе с совместным анализом, выявлением и обсуждением деструктивных ценностей. На этом пути возможно решение не только проблем информационной безопасности, но и многих социокультурных, политических и иных проблем современного мира.

Ключевые слова: медиакommunikация, информационная безопасность, информационные риски, информационная культура, диалог культур.

Введение. Одной из самых популярных тем при анализе современной медиакommunikации является тема информационной безопасности (информационных угроз, информационных рисков). Интерес к ней понятен: как справедливо отмечает Н.А. Грузинова, глобальные процессы всеобщей компьютеризации и информатизации сопровождаются возникновением новых факторов риска и угроз информационного воздействия. «В ходе этого процесса... актуализируется вопрос обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства от целенаправленной разрушительной деятельности, осуществляемой посредством различных информационных ресурсов» (Грузинова 2021: 108). В то же время следует отметить, что речь должна идти не только о сознательной деструктивной деятельности (проводимой, например, в мошеннических или политических

целях), но и той, которая является следствием социокультурных процессов и тенденций, доминирующих культурных и нравственных установок участников информационного обмена. Анализ этой темы, опирающийся отчасти на конструкционистскую модель массовой коммуникации У. Гемсона, а также на элементы системного подхода, стал основной целью данной статьи.

Основные аспекты проблемы. В рассматриваемой теме, прежде всего, можно выделить два основных аспекта. К первому относится проблема защиты самой электронной информации («защита информации от человека»). О.В. Бойченко и М.Э. Баталова выделяют здесь три категории: 1) неавторизованное изменение информации (unauthorized information modification); 2) неавторизованное раскрытие информации (unauthorized information release); 3) неавторизованный отказ в доступе (unauthorized denial of use), «что впоследствии стало основой кибератаки типа «отказ в обслуживании», т.е. это возможность злоумышленника по доступу к ресурсам системы с целью выведения их строя» (Бойченко, Баталова 2022: 8). Эту проблему пытаются решить совершенствованием технических механизмов защиты и правовым регулированием данной сферы.

Ко второму аспекту относится защита личности и общества от различных угроз, появившихся в процессе активного развития медиакоммуникации («защита человека от информации»). Сюда исследователи относят, прежде всего, всевозможные, сознательно и несознательно применяемые манипулятивные практики, влияющие на психику и сознание реципиента, начиная с его мировоззренческой позиции и ценностных предпочтений и заканчивая поведенческими паттернами. Ранее здесь подчеркивалась высокая степень рисков для детей и подростков, но в последнее время отмечается, что риски для взрослых реципиентов, по сути, ненамного меньше.

При этом авторы акцентируются на разных формах и методах манипуляции, а также, соответственно, выделяют различные критерии оценки степени риска того или иного материала. Так, например, А.Ю. Воронин полагает наиболее травмирующей информацию, которая актуализирует «страхи, чувства беспомощности и вины. В связи с этим недопустимы к показу: съемка человека в момент острого переживания чувства отчаяния и горя; демонстрация издевательств; оправдание действий и поступков преступников и т.д.» (Воронин 2018: 88). Способы защиты от нее сегодня разрабатываются в так называемой медиapsихологии, в частности, информация, которая может потенциально носить стрессогенный характер «должна соответствовать ряду требований, которые позволят обеспечить психологическую защиту. А именно: освещение проблемы в конструктивном ключе с анализом возможных способов ее решения. анализ возможных способов конструктивного преодоления трудностей; информирование о ходе решения проблемной ситуации и т.д.» (Воронин 2018: 89). Автор справедливо подчеркивает, что хотя некоторые исследователи считают, что средства массовой коммуникации не столько формируют, сколько закрепляют уже сформированные ценностные

предпочтения, но информация, представляющая собой угрозу психологической безопасности, может повлечь за собой снижение способности адекватной реакции на различные жизненные обстоятельства, снижать сопротивляемость человека к внешнему давлению (Воронин 2018: 90). Добавим, что здесь не учитывается разная степень сформированности и устойчивости базовых убеждений и предпочтений аудитории.

Другие исследователи ставят на первый план когнитивные искажения, как целенаправленные, так и непреднамеренные. В связи с этим В.Ю. Перов отмечает, что «центральной идеей концепта когнитивных искажений является принципиальный отказ от представления о людях как исключительно или по преимуществу рациональных агентах. При этом существующая иррациональность признается не как отклонение от единственно правильной рациональности, а как существенная и неотъемлемая часть человеческого мышления» (Перов 2022: 672). Как уже нами отмечалось, на этом пути сформировался феномен «постправды». Его обсуждение в социокультурном и социально-философском аспектах чаще всего концентрируется на причинах «кризиса факта» (Фотиева, Семилет 2021: 44). Причины эти достаточно многоплановы: «от переизбытка фактического материала, разнообразия форм передачи информации, приводящих к невозможности проверить надежность и неангажированность источников, до влияния философии и эстетики постмодернизма» [Резник 2019: 202].

А.К. Полянина, в свою очередь, отмечает риски, вызванные не столько содержательной стороной медиакommunikации, сколько организационно-структурной. Она выделяет в качестве основных характеристик ризоморфность (медиаареальность состоит из множества переплетающихся каналов, непредсказуемых в своём движении, постоянно генерирующихся и отмирающих); децентрализованность, отсутствие центрального стержня действия («генетической оси»); синергетическую гиперсвязанность (порождение и распад связей случайны и непредсказуемы); семантическую неконтролируемость (невозможность полной контентной фильтрации); омнипрезентность (тотальность сетевой логики, поглощение ею всех процессов социальной организации); доминирование морфологии над действием («как» над «что») и др. (Полянина 2021:155-156).

Выделяются также проблемы, связанные с переходом образования в цифровую среду (Бедрин 2022) и целый ряд других, более частных.

Но легко видеть, что здесь мы переходим скорее в сферу культуры и морали. Иными словами, в сферу ответственности всех субъектов информационной среды на всех уровнях: законодательном; организационно-техническом, на уровне непосредственных производителей медиаконтента (редакций, журналистов, блогеров, комментаторов и пр.).

«Нэтикет» и информационная культура. Возможно ли здесь какое-либо внешнее регулирование? Правовое возможно, но лишь частично; что касается этического, то стоит вспомнить, что еще в 70-х–80-х годах XX века

появилась так называемая «информационная этика», которая с развитием Интернета переросла в «сетевую этику» или «нэтикет» – совокупность правил, сложившихся по отношению к глобальной сети. Но очевидно, что при современной тенденции к моральному релятивизму и культурному плюрализму эти нормы могут весьма своеобразно интерпретироваться или даже отвергаться. Поэтому исследователи начали отмечать следующие сложности в утверждении информационной этики: «невозможно точно просчитать... каким образом результаты тех или иных действий, совершаемых в «виртуальной реальности», отразятся на действительности; расстояние между субъектом действия и объектом, на который направлен поступок, в компьютерных сетях очень велико, что ставит под сомнение возможность непосредственной реакции на поступок и ответственности за совершенные действия; высокая анонимность действий в «виртуальной реальности» изменяет представление субъекта о самом себе, он не склонен рассматривать свои поступки сквозь призму межличностных отношений, а переводит их в область технических операций или интеллектуальных игр, что автоматически блокирует действие нравственных регулятивов поведения, предполагающих отношение между людьми, т.е. между «Я» и «Ты» (Дедюлина 2008 www). В связи с этим предпринимались попытки основать новую информационную этику на ценности самой информационной среды, а не субъектов, которые терпят ущерб. Аргументы при этом приводятся следующие: объектом, на который здесь направлено неправомерное действие, является информация, а не человек, сами же поступки осуществляются в виртуальной среде, а не в сфере межличностных отношений. Отсюда делается вывод: «нравственная норма, в таком случае, могла бы быть сформулирована так: «Заботься, насколько это возможно, об улучшении информационной среды и не наноси ей вреда» (Дедюлина 2008 www). Но этот подход представляется малоэффективным. Не вдаваясь в подробности, отметим только, что вся история этики наглядно демонстрирует: в основе моральных отношений лежат не столько рациональные аргументы, сколько особое переживание (не случайно говорят о «чувстве долга»). И если культурно-нравственный уровень субъектов коммуникации недостаточен даже для учета интересов другого человека, вряд ли он будет достаточным для формирования нравственного отношения к технической/информационной среде. При слабом развитии общеморального и общекультурного фундамента вряд ли можно рассчитывать на эффективность каких-то новых форм рациональной аргументации в пользу безопасности среды.

Информационная культура как часть общей культуры социума.

Таким образом, на наш взгляд, правильнее сегодня говорить о необходимости формирования не информационной (неизбежно узко-нормативной) этики, но, шире, *информационной культуры* личности и общества. При этом в сегодняшнем понятии информационной культуры выделяются следующие аспекты: технологический, когнитивный и ценностно-мировоззренческий. Но

если проанализировать материалы на данную тему, то легко увидеть, что в них чаще говорится о первых двух аспектах, то есть о «знаниях, умениях и навыках», а также нормах и правилах работы с информацией. При этом ценностно-мировоззренческий уровень обсуждается крайне редко: он, как правило, считается делом сугубо личным и даже не относящимся к информационной культуре как таковой. В то же время общеизвестно, что именно он, являясь ядром любой культурной традиции, определяет готовность субъекта соблюдать не только нормы морали, но и нормы права, более того, определяет уровень их интериоризации и даже интерпретацию. Кардинальное различие культурно-нравственных ценностей, как известно, сплошь и рядом становится конфликтогенным.

Поэтому, завершая наши рассуждения именно на этом мировоззренческом уровне, резюмируем. Во-первых, провозглашаемые сегодня тотальный плюрализм и толерантность неизбежно должны быть ограничены определенными рамками, о чем уже многое сказано. Во-вторых, еще одно популярное выражение (и, соответственно, сфера исследований) — «диалог культур» — на ценностно-мировоззренческом уровне следует скорее понимать как органическое «прорастание» ценностных систем друг в друга, формирование некоего симбиоза, взаимообогащение ценностями друг друга в купе с совместным анализом, выявлением и обсуждением деструктивных ценностей. Только на этом пути, на наш взгляд, возможно решение не только проблем информационной безопасности, но и многих социокультурных, политических и иных проблем современного мира.

Список источников

Бедрин В.С. Проблемы электронного обучения // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 234-235.

Бойченко О.В., Баталова М.Э. Информационная безопасность медиакоммуникаций // МедиаВектор. 2022. № 4. С. 7-10.

Воронин А.Ю. Информационно-психологическая безопасность личности в условиях современных медиакоммуникаций // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 7-8 июня 2018 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госун-та, 2018. С. 87-91.

Грузинова Н.А. Информационная безопасность и информационная безопасность личности в образовании: теоретические аспекты научной дефиниции // «Инновационные механизмы решения проблем научного развития»: сб.статей Международной научно-практической конференции (27 октября 2021 г., г. Волгоград). Уфа: OMEGA SCIENCE, 2021. С. 108-111.

Дедюлина М.А. Моральные дилеммы в компьютерной этике // <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/04910.htm> (дата обращения: 21.01.2023)

Перов В.Ю. Когнитивные искажения и этические проблемы современных медиакоммуникаций //Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. научн. конференции (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л. Р. Дускаева, отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: Медиапаяир, 2022. С. 672-675.

Полянина А.К. Гиперсетевая модель медиакоммуникации: новые качества рисков для детской аудитории // *Communicology*. 2021. Vol.9. No.4. С. 148-159.

Резник Г.М. Журналистика в мире постправды // «Мировое развитие проблемы предсказуемости и управляемости»: материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений (СПб., 22–24 мая 2019 г.). СПб.: изд-во СПбГУПТД, 2019. С. 202–204.

Фотиева И.В., Семилет Т.А. Феномен постправды в современной медиакоммуникации // *Сибирский философский журнал*. 2021. Т. 19. № 1. С. 42-51.

References

Gruzinova, N.A. (2021) Information security and information security of the individual in education: theoretical aspects of the scientific definition. In: *"Innovative mechanisms for solving the problems of scientific development": Materials of the International Scientific and Practical Conference on October 27, 2021*. Ufa: OMEGA SCIENCE Publ. p. 108-111.

Boychenko, O.V., Batalova, M.E. (2022) Information security of media communication. *Media Vector*. № 4. P. 7-10.

Voronin, A.Yu. (2018) Information and psychological security of the individual in the conditions of modern media communications. In: *Social security and social protection of the population in modern conditions: Materials of the International scientific and practical conference, June 7-8, 2018*. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University, 2018, p. 87-91.

Perov, V.Yu. (2022) Cognitive distortions and ethical problems of modern media communications. *Medialinguistics*. Issue. 9. Language in the coordinates of the mass media: Materials of the VI Intern. scientific conference, June 30-July 2, 2022. SPb., Mediapapier Publ., p. 672-675.

Fotieva, I.V., Semilet, T.A. (2021) Post-truth phenomenon in modern media communication. *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 19. № 1. P. 42-51.

Reznik, G.M. (2019) Journalism in the world of post-truth. In: *World Development of the Problem of Predictability and Controllability: Materials of the XIX International Likhachev Scientific Readings, May 22–24, 2019*. St. Petersburg, SPbGUPTD Publ., 2019, p. 202–204.

Polyanina, A.K. (2021) Hypernet model of media communication: new qualities of risks for children's audience. *Communicology*. Vol.9. №.4. P. 148-159.

Bedrin, V.S. (2022) Problems of e-learning. *World of science, culture, education*. № 6 (97). P. 234-235.

Dedyulina, M.A. (2008) Moral dilemmas in computer ethics // <http://www.globalistika.ru/congress2008/Doklady/04910.htm> [Electronic resource]. (date of application: 21/01/2023).

INFORMATION SECURITY AND INFORMATION CULTURE OF MODERN MEDIA COMMUNICATION

Irina Fotieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Altai State University»,
Russia, Barnaul

Abstract. The article deals with the spectrum of the main problems related to the information security of modern media communication. There are two main areas of information security research: “protection of information from a person” (cyber threats, technological risks) and “protection of a person from information” (manipulative practices, cognitive distortions, the “post-truth” phenomenon). In this regard, the concept of information culture as the foundation of information security, as well as information ethics, is analyzed. The latter shows the inefficiency of the so-called “netiquet”; in the concept of information culture, three main aspects are distinguished: technological, cognitive and value-ideological. It is noted that the analysis of the first and second aspects dominates in research, while in practice it is the latter that plays the main role. Therefore, the formation of the information culture depends on the cultural level of a particular society and the world community as a whole; the latter, according to the author, implies a genuine dialogue of cultures, understood as mutual enrichment of cultural and moral values, coupled with a joint analysis, identification and discussion of destructive values. On this path, it is possible to solve not only the problems of information security, but also many socio-cultural, political and other problems of the modern world.

Keywords: media communication, information security, information risks, information culture, dialogue of cultures.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023
Принята к публикации 09.04.2023